

ХОЖДЕНИЕ ПО ЗОЛОТОЙ ЦЕПИ

Так часто было: вроде складывалась плюс-минус устоявшаяся картина, к которой все привыкли. Это здесь стоит, вон то — тут, а сверху лампочка вкручена, и в круге света сидит удовлетворённый историк.

И здесь появлялся Пыжиков и говорил: да нет, друзья мои, всё не так, в целом картина похожая, только всё наоборот должно лежать, а вот этого тут вообще не стояло, давайте я вынесу в коридор, потом сами выбросите на помойку. И окно открою, воздуха мало. И света будет гораздо больше. Потому что там, где у вас была тьма, — тоже много интересного.

Для меня это поразительное открытие: историческая наука — сама история — расширяется как вселенная. Ещё вчера там была тьма — и вдруг освещение сделали ярче, и во тьме мы различили новые очертания, и это — очертания огромных материков.

Чудо!

По типу Александр Пыжиков вовсе не был революционером, ниспровергателем, скандалистом. Ничего подобного.

Он был — вдумайтесь в это удивительное слово, в его изначальный смысл — *учёный*. Отучился и стал учёный, как тот самый кот, и ходил по золотой цепи вокруг русской истории.

Самим своим видом он напоминал добродушного, казавшегося домашним кота, при этом своеобразно и неумолимо строгого — в первую очередь по отношению к истине.

Истину нельзя дать в обиду. Истина должна быть отвоёвана и защищена.

За самим понятием истины располагается вовсе не честь, и тем более не амбиции того или иного историка, учёного, а народ, его мудрость, его невероятное прошлое.

Вот что оберегает истина, как самый надёжный часовой.

Чуть искривлена оптика — и мы теряем из поля зрения огромные пространства нашей памяти.

Для того чтоб стоять на страже истины, надо обладать свободой неизъяснимой, сочетанием в себе поэтического и воинских начал.

Александр Пыжиков был свободно мыслящий человек. Независимый в суждениях — но не ради самого факта независимости, как чаще всего и случается у многих иных его коллег по учёному ремеслу, а ради высшей справедливости.

И ещё он был сильным человеком. Беспощадным в стремлении к истине.

Мы с ним виделись несколько раз.

Что меня поражало в нём.

Он не проповедовал, не давил, не настаивал — он с необычайным очарованием и почти животным проворством пересобирает мир заново.

Своеобразное журчание его речи (снова кот!), лишённое аффектации, настойчивого акцентирования драматических радзинских пауз, традиционно скрывающих череду банальностей и натяжек, будоражило и успокаивало одновременно.

Пыжиков не нуждался в ложной театральности, ему не надо было ничего акцентировать: вся его работа целиком была акцентированием истины.

Как истинный учёный, он не стремился поставить себя, своё знание в центр науки и мироздания. Зачастую он си-

стематизировал догадки, давая минимальные акценты и отмечая пути, по которым следовало двигаться.

Он расставил для нас знаки и маяки — по этим знакам можно ориентироваться, прокладывая новые пути.

Недаром Пыжиков так ценил высказывание Андрея Белого: «...не событиями захвачено существо человека, а символами иного».

Он жил в мире символов, смысл которых узнал или опознал.

Он напоминал о ветрах русского фольклора, означавших не атмосферные явления, а движение духа.

Об Алатырь-камне, на котором происходила трапеза Христа, — но и вместе с этим о мощнейшем дохристианском значении камней вообще: недаром валуны укладывались в основаниях православных храмов. Древние строители знали, что делали, — мы забыли об этом напрочь.

Посему, уверял Александр Пыжиков, Алатырь-камень — источник всех ветров, то есть вибраций нашего духа.

Он говорил о том, что Киев — это не просто одна из столиц древнерусского государства, а — в русской былине и в национальной памяти — небесный град, посему, догадываемся мы, стремление русского человека к этому городу иррационально и рационально одновременно.

Он рассказывал о повитухах — и сам был повитухой рождения нашего обновлённого духа.

Он последовательно отрицал как вульгарно славянофильский — в угоду «казённой церкви», так и догматически марксистский взгляд на русскую историю.

В итоге Пыжиков создал свою — в целом не противоречащую прежним, но углубляющую их — концепцию истории.

Его концепция будет дополняться и будет оспариваться, что-то и в его картине мира будет переставлено, но — это была отличная работа, это был прорыв, он обучил нас если не зрению как таковому, то умению различать многие оттенки и забытые цвета.

Зрение это обращено внутрь нас как этноса, как народа, как нации.

Всмотревшись, мы увидели поразительные просторы внутри нашей исторической памяти.

Дух захватывает.

Спасибо, учитель. Мы чувствуем солнечное тепло золотой цепи.

Путешествие внутри собственного кровотока. Возвращаемся к себе — обретаем вселенную.

Захар Прилепин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К НОВОЙ ТРАКТОВКЕ РУССКИХ БЫЛИН

Былинные предания любимы в нашей стране. Не будет преувеличением сказать, что целые поколения не только в дореволюционный, но и в советский период буквально выросли на героических сценах, воспеваемых литературой, а позднее подхваченных кинематографом. Их популярность стала настолько привычной, что зачастую забывают: былины с точки зрения их открытия — явление довольно молодое. Конечно, описываемые в них сюжеты относятся к седой древности, временам Киевской, затем Московской Руси, однако существование в крестьянской среде песнопений о далёких минувших временах, по большому счёту, обнаружено лишь на исходе XVIII века, т.е. по историческим меркам совсем недавно. Именно с тех пор устное творчество низов постепенно входит в круг интересов образованной публики, а с середины XIX столетия оно уже занимает видное место в интеллектуальной среде.

Любопытно, но только к началу 1860-х появляется привычный для нас термин «былины». Причём название вышло не из народной среды, а запущено в оборот собирателями

и исследователями¹. До этого публикации русского эпоса, тогда ещё немногочисленные, пестрели заголовками: древние стихотворения, старинные сказания и т.д. Одним из первых, кто окрестил их «былинами», стал этнограф первой половины XIX века Иван Сахаров (1807–1863), популяризовавший русский фольклор. Будучи самоучкой из семинаристов, он старался придать большую солидность своим сборникам, для чего позаимствовал выражение из «Слова о полку Игореве»². Хотя уже в начале 1830-х годов популярный тогда литератор Александр Вельтман (1800–1870) называл один из романов в мифологическом стиле «былиной старого времени»³. Тем не менее литературная апробация этого термина — предмет дискуссий протяжённостью в полтора столетия, которые вряд ли можно считать завершёнными⁴. В исследовательский же оборот он вошёл благодаря известному учёному, профессору Московского университета Фёдору Буслаеву (1818–1898). В научных кругах сочли, что былины не только заменяют народу историю, но и выражают его сознание и бытие.

С тех пор не смолкают споры, насколько эпическое наследие отражает историческую канву, активно разрабатываемую со времён Николая Карамзина по книжным хроникам.

¹ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 1. М., 1897. С. 29; Бороздин А.К. Былины // Народная словесность. Сборн. статей (под ред. Аничкова Е.В., Бороздина А.К., Овсяннико-Куликовского А.Н.). М., 2002. С. 219 (репринт 1908 года).

² Шамбинаго С.К. История русской народной словесности. М., 1914. С. 8.

³ Коровашко А.В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М., 2009. С. 36–37.

⁴ Подробнее об этом: Букатина Ю.Е. Русская былина в культурно-историческом контексте: проблемы интерпретации в XX веке // Источниковедение культуры. Альманах. Вып. 1. М., 2007. С. 269–273.

Те или иные ответы определили пространство, где происходило осмысление многообразного былинного материала. Сопоставление запечатлённого в памяти крестьянских поколений с манускриптами, вышедшими из монастырских стен, выглядело заманчивым. Официоз, конечно, жаждал демонстрации давней привязанности населения к христианской церкви. Былинные герои просто обязаны выглядеть её сынами, защитниками от всякой «нечисти». Жёсткая идеологическая заряженность, в конце концов, сыграла злую шутку: изучение народного эпоса сопровождалось размыванием былинных посылов, которые невозможно уловить на волнах христианско-исторической традиции. В результате разработка безымённой поэзии происходила, если можно так сказать, в усечённом виде. Без должного осознания её недр, омывавшихся иными культурными истоками, практически не затронутыми официальной наукой. Потому-то задача более глубокого прочтения былин по-прежнему не теряет актуальности. Буслаев как-то сравнил народное предание с клубком туго намотанных, но порванных нитей: за какой конец ни возьмись — обрыв. Размотать клубок до уровней, «куда не касалась ещё ничья рука, не заглядывал ничей глаз», весьма трудно. Каждый, кто берётся за это, рано или поздно осознаёт, как что-то в народном эпосе постоянно ускользает, когда приходишь «до известной глубины, стремясь к заветной сердцевине этого мудрёного клубка»¹.

¹ Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве // Буслаев Ф.И. Сочинения. Т. 1. СПб., 1908. С. 460.

I

Первый осознанный всплеск внимания к народному эпическому творчеству историография фольклористики относит к 1770–1780 годам. Тогда увидели свет, получили известность сборник Михаила Чулкова «Собрание разных песен», издания народных лирических, исторических песен и сказок Николая Новикова. Однако они содержали разрозненные былинные фрагменты, которые указывали на существование в низах какого-то обширного эпического пласта¹. К тому же качество этих публикаций оставляло желать лучшего. С первой половины XIX столетия нередко критические замечания по поводу небрежного обращения с ценным материалом. Тех, кто брал на себя труд их издания, за очевидные искажения именовали «ремесленниками». Особенно это касалось известного в екатерининскую пору Новикова, не пощадившего исправлениями опубликованный эпос². Гораздо больше повезло другому сборнику — «Древним российским стихотворениям», составленному по поручению уральского промышленника Прокопия Демидова. Подавляющая часть записей датируется 1770–1780-ми годами, поскольку запечатлена на бумаге того периода³. Правда, в отличие от рукописи, с точностью идентифицировать автора-составителя не удалось: на титуле значилось лишь имя — Кирша Данилов (в советские годы его считали мастером одного из де-

¹ Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 17–18.

² Макаров М.Н. Пробные листки для истории русских сказок // Телескоп. 1833. Ч. 18. № 23. С. 357–358.

³ Путилов Б.Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1958. С. 527.

мидовских заводов на Урале¹). Именно этому фольклорному памятнику было суждено стать вехой в открытии русского эпоса. Первоначальный вариант образца 1804 года с разбивкой сплошной строки на стихи сразу обратил на себя внимание образованной публики того времени. Прежде всего необычным языком, обладавшим живостью, «текучей изменчивостью» и витиеватостью, в противовес книжной неподвижности и размеренности. Иными словами, отличие народного говора от речей, льющихся с церковной кафедры, буквально резало слух². Минусом можно считать выход данного издания в сокращённом виде, поскольку оно включало в себя менее половины песен, имевшихся в рукописи.

Второе издание состоялось вскоре после успешного завершения войн с наполеоновской Францией. Правящий класс, ободрённый тем, что простые люди в трудный момент не оставили государство, в полный голос заговорил об истинном патриотизме, обратив вельможные очи на народ. В авангарде этого процесса находился кружок графа Николая Румянцева (1758–1826). Покинув высокие правительственные посты, тот с головой окунулся в коллекционирование различных рукописей, книг и т.д. (собрание послужило основой нынешней Российской государственной библиотеки)³. Вокруг крупнейшего мецената той поры группировались интеллектуалы, «распахивавшие» ниву словесности. В их-то поле зрения и попали «Древние российские

¹ Горелов А.А. Разговор с биографами Кириши Данилова // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 31. СПб., 2001. С. 76–90.

² Будилевич А. Об учёной деятельности Ломоносова по естествоведению и филологии // Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 9. С. 48–49.

³ Одной из лучших работ о нём остаётся монография: Молчанов В.Ф. Государственный канцлер России Н.П. Румянцев. М., 2004.

стихотворения». В 1818 году общественность могла ознакомиться с более полным выпуском, увеличившимся в два раза за счёт тридцати пяти ранее не включённых песен. Обработкой текста занимался один из сотрудников графа, деятельный филолог Константин Клайдович (1792–1832), поместивший пояснительный обзор. Он твёрдо указывал на уральско-сибирское происхождение стихов, на частое употребление слов и оборотов, свойственных Екатеринбург, Иркутску и сопредельным местностям; хотя само имя Кирша считал малороссийским выговором русского — Кирилл¹. Особенно подчёркивалось, что данные сказания о глубокой старине опрочечиво относить к тем векам, о коих они повествуют. Правильнее считать предания сочинёнными не далее, как в начале XVIII века, однако «нельзя не согласиться, что начало сих стихотворений скрывается во временах весьма отдалённых... и Данилов не первый сложил оные», скорее всего располагая «древнейшими остатками народных песен»².

Любопытно, но далеко не у всех опубликованный материал вызывал восторженные чувства. Уже во второй половине XVIII столетия с момента появления различных отрывков многие подчёркнуто негативно характеризовали народные творения, признавая их «за безобразное и бессмысленное порождение русского доморощенного невежества»³. Например, ценитель истории Иван Болтин (1735–1792) воспринимал сказания «подлыми песнями, без всякого складу и ладу»,

¹ *Клайдович К. Ф.* Введение // Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М., 1818. С. IV–V.

² Там же. С. VIII–IX.

³ *Буслав Ф. И.* Русский богатырский эпос // Русский вестник. 1862. № 3. С. 18.

кои слагала «безграмотная чернь для испрошения милостыни»¹. Возникшая в первой трети XIX столетия так называемая «скептическая школа» Михаила Каченовского считала народный эпос совершенным вымыслом, бесполезным для научных целей². Тем не менее именно этим широко растиражированным изданием — «Древними российскими стихотворениями» — формировался былинный костяк, который и будет впоследствии значительно обогащён.

Наиболее крупную лепту в его приращение, как хорошо известно, внёс Павел Рыбников (1831–1885). Выходец из купеческой среды в первой половине 1850-х за излишние контакты со старообрядцами в Москве и Чернигове оказался под подозрениями в неблагонадёжности. Итог — принудительное направление в Петрозаводск: там ему поручили проверку разнообразной статистики, что предполагало периодические вояжи по обширному краю. В ходе поездок и произошло очное знакомство с народным эпосом: в «Олонецких губернских ведомостях» Рыбников публикует первые песни³. Так постепенно приоткрывался обширный мир преданий, живущих в простонародье из поколения в поколение. Эти известия вызвали отклик в славянофильском лагере, здесь на протяжении почти двадцати лет занимались чем-то подобным. Труды на этой ниве ассоциируются с известным московским деятелем Петром Киреевским

¹ Примечания на «Историю древней и нынешней России» г. Леклерка, сочинённые генерал-майором Иваном Болгиным. Т. 2. СПб., 1794. С. 60.

² Крупн А.А. Фольклорный материал в русской историографии начала XIX века // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 13. Л., 1972. С. 221.

³ Разумова А.П. Из истории русской фольклористики. М. — Л., 1954. С. 48.

(1808–1856). Правда, сказать, что тот сам участвовал в сборе народного творчества, выглядело бы преувеличением. Он нечасто покидал свой особняк в Первопрестольной, поэтому точнее назвать его хранителем присылаемых записей. Киреевский рассылал письма по знакомым помещикам, прося по мере возможностей фиксировать крестьянский эпос¹.

Кстати, в числе корреспондентов, передавших ему немало материала, — филолог Владимир Даль, этнограф Павел Якушкин, поэты Николай Языков и Александр Пушкин². Причём последний, направляя материал из Псковской губернии, поступил оригинально, предложив определить, где народные, а какие «смастерил самостоятельно». Несмотря на старания, выяснить это Киреевский не смог, с утешением повторяя: «когда моё собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные»³. После смерти в 1856 году хранившийся у него массив был передан в «Общество любителей российской словесности», принявшее заботы об издании. Однако известия о находках в Олонецкой губернии внесли коррективы. Рыбниковский материал выглядел свежее, с минимальными искажениями, поскольку шёл непосредственно от крестьян-певцов. Поэтому зелёный свет решили дать сборнику Рыбникова: первый том вышел в 1861 году в Москве с предисловием недавно почившего Николая Хомякова. Обработкой материала занимался другой известный славянофил — Пётр Бессонов. Название сборника — «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» — повторяло загла-

¹ Шамбинаго С.К. История русской народной словесности. М., 1914. С. 31.

² Майков А.Н. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 7.

³ Буславев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 293.

вие вышедшего под его же редакцией годом ранее первого тома «Песен, собранных П.В. Киреевским».

Такая поспешность имела вполне определённые цели. В народных преданиях славянофильские круги увидели инструмент по наращиванию своего идейно-политического веса. Видный почитатель народности Константин Аксаков давал анализ былинного эпоса, воспевая древний строй, освещаемый «лучами христианской веры»¹. Основное и главное, что следует из мира былин, — это ощущение христианства, к нему принадлежат все богатыри во главе с Ильёй Муромцем, справедливо причисленным к лику Святых. В песнях видим «собранную всю русскую землю, собранную в единое целое христовую верою около великого князя Владимира, просветителя земли русской»². Богатыри, бояре, купцы, крестьяне — все охотно служат Киевскому князю, величают того «Красным солнышком». Такова, по Аксакову, подлинная суть земли нашей³.

Настойчивое стремление славянофилов приватизировать творчество народа вызвало неприятие признанного знатока русской словесности Фёдора Буслаева. В 1860-е годы его авторитет котировался очень высоко, он слыл живым воплощением российской гуманитарной науки той поры⁴. Познакомившись с рыбниковским сборником, Буслаев отметил величие песен, «что сам Пушкин преклонился бы перед высоко-наивною и классической грацией, которую в них вдох-

¹ Аксаков К.С. Богатыри времени великого князя Владимира // Аксаков К.С. Сочинения. Т. 1. М., 1861. С. 339.

² Там же.

³ Там же. С. 337.

⁴ *Вздорнов В.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 92; *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991. С. 14.

нула простонародная фантазия»¹. Затем подверг сомнению категоричные суждения о христианстве былин. К примеру, образ богатыря Святогора, живущего на Святых горах, недопустимо трактовать в христианском стиле, приравнивая названную местность к Руси. Последняя именуется святой «без всякого отношения к святости православия, а потому без самых пошлых натяжек никоим образом нельзя объяснить этого эпитета с исключительно христианской точки зрения»². Критично относился Буслаев к идеализации на определённый манер Микулы Селяниновича. Славянофилы усматривали в нём представителя земщины, а в перемётной его сумке «разумели сложившуюся землю русскую»³. Подобный взгляд на мифологический образ «есть изделие новейшей политической фабрикации, сентиментальная мечта, насильно навязываемая в неуклюжей и противной форме...»⁴.

Ещё более сильный удар по славянофильским построениям был нанесён Владимиром Стасовым (1824–1906) работой «Происхождение русских былин» (1868), о чём подробно рассказано во второй главе. Стасов рассматривал былины как мировоззрение ушедшей эпохи, присущее различным народам древности, далёким не только от стандартов европейского просветительства, но и от конфессиональных веяний. Осознавший это одним из первых Стасов отказывался признавать русский эпос коренным. Он сумел уловить, что наши былины и иноземные песни «варились» в каком-то

¹ Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос // Русский вестник. 1862. № 3. С. 18.

² Там же. С. 48–49.

³ Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос // Русский вестник. 1862. № 9. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.